

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИК В ПОИСКЕ

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. Л. БЕССМЕРТНОГО

Статья посвящена 90-летию со дня рождения выдающегося отечественного историка Юрия Львовича Бессмертного (1923–2000). Автор предпринимает попытку выявить специфику и проследить логику развития предложенной ученым исследовательской программы изучения частной жизни, внутреннего мира и поведения людей прошлого, а также его размышлений о возможных путях перехода от анализа «необычных казусов» к пониманию своеобразия исторической целостности.

Ключевые слова: Ю.Л. Бессмертный, казуальный подход, микроистория, индивидуальное – уникальное – случайное в истории, микро- и макроисторический анализ, проблема интеграции, типы исторического знания, «иная история».

*Пришло время переосмысления самых основ
исторического знания...*

*Сегодня мы вправе думать, что единственная
истина в истории – это вечный ее поиск.¹*

Неустанный творческий поиск, открытость и постоянное движение мысли характеризуют стиль жизни и исследовательской деятельности выдающегося отечественного историка Юрия Львовича Бессмертного (15.08.1923–30.11.2000). Названия двух из многочисленных публикаций ученого – «Историк в поиске» и «Продолжаем наш поиск» – отражают это свойство его творческой натуры, устремленность к новому в науке.

Не ставя перед собой невыполнимой задачи проанализировать богатое по конкретному и концептуальному содержанию наследие историка в одной статье, я собираюсь сосредоточиться здесь на тех важнейших для современного исторического знания эпистемологических и методологических проблемах (центральных как для «другой социальной истории», так и для культурно-интеллектуальной истории), в разработку которых Ю.Л. Бессмертный внес неоценимый вклад, и прежде всего попытаться выявить специфику и проследить логику развития предложенной им оригинальной исследовательской программы изучения частной жизни, внутреннего мира и поведения людей отдаленных эпох, а также его размышлений о возможных путях перехода от анализа «необычных казусов» к пониманию своеобразия исторической целостности («этого странного прошлого»).

¹ *Бессмертный. Продолжаем наш поиск. 1999. С. 11.*

Выступая на Второй ежегодной конференции Общества интеллектуальной истории «Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории» (2000 г.), Ю.Л. Бессмертный специально остановился на проблеме глубоких качественных переломов в познавательных подходах историков, на резкой смене «используемых дискурсов, метафорики, самой логики анализа». Рассматривая такой эпистемологический поворот на материале современной медиевистики, он связал его с попытками познать Средневековье с помощью «набора мыслительных приемов», характерных для людей того времени, а не для современности исследователя, т.е. дополнить «эго-логический анализ» прошлого «альтерологическим», который позволяет «глубже осмыслить своеобразие людей прошлого, их принципиальную непохожесть на нас, необходимость для их понимания избавиться от представления об их, так сказать, неизбежной “недоразвитости” по сравнению с нами»².

В русле обсуждаемого подхода разрыв между средневековой и новоевропейской культурами выступает как гораздо более глубокий, чем это представлялось при «эволюционистской постановке вопроса», и, в конечном счете, основы новоевропейской культуры «оказываются не столько преемственным продолжением средневековых, сколько их отрицанием». В этом сдвиге в мыслительных подходах Ю.Л. Бессмертный обоснованно видел «еще одно свидетельство в пользу решительного отказа от эволюционистски-преемственной позиции, исходя из которой феномены прошлого интерпретируются в рамках семантического ряда, единого с их аналогами более позднего времени. Прерывность выступает здесь как характерная черта не только онтологических, но и эпистемологических процессов»³.

Таким образом, размышления Ю.Л. Бессмертного об «инаковости», «другости» людей Средневековья оказываются непосредственно связаны с радикальным обновлением подходов и переосмыслением самого предмета культурно-интеллектуальной истории. Именно здесь, подчеркивает автор, «открывается возможность самопознания современного человека как *главного предназначения истории вообще*»⁴. Ведь исследователь прошлого «призван, в первую очередь, помочь своему современнику понять, кто он есть, чем отличается от своих предков, зачем явился в этот мир и ради чего живет»⁵.

² Бессмертный. К изучению разрывов в интеллектуальной истории... С. 34-35.

³ Там же. С. 36.

⁴ Бессмертный. Другое Средневековье... 2003. С. 79. См. также: Человек в мире чувств... С. 23.

⁵ Человек в мире чувств... С. 7.

Говоря о новых тенденциях в мировой историографии, Ю.Л. Бессмертный подчеркивал: «Не преемственность и эволюция, не сопоставимость и трансформация, но прерывность и неповторимая инакость каждого из исследуемых феноменов все чаще заполняют интеллектуальное поле историка. Это предполагает принципиальную ломку всего понятийного инструментария»⁶. И, разумеется, особенно радикальная корректировка понятийного аппарата предстоит исследователям отдаленного прошлого. Акцентирование «разрывов» в истории, инакости прошлого, специфики логического «кода» людей иных эпох позволило говорить о концептуально-эпистемологическом повороте в творчестве ученого⁷, проявившемся в работах конца 1990-х годов (включая незавершенные тексты, опубликованные уже посмертно⁸). Стоит, однако, заметить, что эксплицированная в них идея «странного прошлого» имеет свои истоки в более ранних исследованиях Ю.Л. Бессмертного, посвященных проблемам демографической истории. Размышления о том, «как общая система поведенческих стереотипов сказывалась на демографическом поведении», выводили на более общие вопросы познания прошлого. Историк так писал об этом: «Исходя из нашей логики, системность картины мира на каждом из этапов истории как будто бы самоочевидна. Но современники над нею, естественно, не задумывались и по ее поводу не высказывались. Как раскрыть “код” их неотрефлексированной и не вербализированной логики? Как понять ее внутреннюю системность?»⁹.

В своих «демографических» работах первой половины 1990-х годов Ю.Л. Бессмертный специально, неоднократно и настойчиво обращал внимание коллег и читателей на то, что анализ поведения в демографической сфере представляет особый *методологический* интерес именно в силу того, что «выбор решений, больше, чем где бы то ни было, может зависеть здесь от личностных склонностей, выражающих

⁶ *Бессмертный*. Это странное, странное прошлое... 2000. С. 43. В этом плане примечательно краткое рассуждение Ю.Л. Бессмертного о заголовке его собственной главы «О мире чувств и внутреннем мире человека прошлого», представленной «вместо заключения» к коллективному труду: «ни одно из фигурирующих в приведенном заголовке понятий не рассматривается как всеобщее; именно сквозь *изменение* их наполнения хотелось бы осмыслить своеобразие человека того или иного времени». См.: *Человек в мире чувств...* 2000. С. 571.

⁷ См. дискуссию вокруг последних работ Ю.Л. Бессмертного в разделе «Иная “Иная история”?» в альманахе «Казус»: Казус. 2003. М., 2003. С. 479-594.

⁸ См.: *Бессмертный*. Странное счастье рыцаря. 2002; Индивид и понятие частной жизни... 2003; О понятиях «Другой», «Чужой», «Иной»... 2003; Другое средневековье, другая история средневекового рыцарства... 2003; и др.

⁹ *Бессмертный*. Новая демографическая история. 1994. С. 248.

особенности данного индивида, а индивидуальные отклонения от принятых стандартов поведения могут встречаться чаще всего»¹⁰. Вполне логичным в плане развития этих идей выглядит и расширение исследовательского ракурса в плане изучения всех сторон частной жизни людей прошлого во второй половине 1990-х годов. По существу, хотя и в разных формулировках, историк неизменно исходил из того, что «частная жизнь каждой эпохи выступает как один из важнейших показателей своеобразия и общества, и человека. Именно поэтому *анализ частной жизни – один из важнейших путей осмысления прошлого и, соответственно, один из главных каналов нашего самопознания*»¹¹.

На мой взгляд, такое понимание сверхзадачи исторического познания, которое обращало его к человеку-современнику (отсюда и стремление «дойти» до конкретного человека», до конкретных людей, способных поведать о времени, о себе и своей частной жизни»¹²), неизбежно направляло исследовательский поиск к особой версии микроистории¹³, акцентирующей *индивидуальное, нестандартное, неординарное, своеобразное, отклоняющееся от стереотипа, редкостное, странное, уникальное* – как особенно наглядно раскрывающее социальную практику и культурную самобытность своего времени¹⁴.

Соответствующая такому подходу познавательная процедура заключалась в сравнении представлений авторов анализируемых текстов с теми, что укоренены в «собственном сознании» исследователя, но с упором не на сходства, а на различия. При этом допускается, что теоретически возможны по крайней мере два результата сравнения: «Один – когда представления анализируемых авторов оказываются *соизмеримыми и сопоставимыми* с позднейшими (т.е. поддающимися включению в единый с этими позднейшими представлениями семантический ряд). Другой – когда такая соизмеримость оказывается невозможной, так что рассмотрение этих представлений в рамках единой эволюционистской модели становится *немыслимым*»¹⁵. По убеждению Ю.Л. Бессмертного, внутренний мир человека прошлого было бы «прометчи-

¹⁰ Бессмертный. Новая демографическая история. 1994. С. 248.

¹¹ Человек в мире чувств... 2000. Глава 1: Проблема. С. 8.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Показательно, что Карло Гинзбург счел необходимым отметить: «видение микроистории русскими исследователями отлично от ее интерпретации итальянскими историками и поэтому для них интересно». (Гинзбург. 2006. С. 343).

¹⁴ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 18. В этом плане стоит выделить отношение к *случайному* как «*привилегированному предмету исследования*». (Бессмертный. Продолжаем наш поиск. 1999. С. 10).

¹⁵ Бессмертный. Рыцарское счастье – рыцарское несчастье... 2003. С. 55.

вым представлять в виде конструкции, которую можно воссоздать методом эволюционной ретроспекции»¹⁶.

Открывая первый выпуск альманаха «Казус», вышедший в свет в 1997 г., Ю.Л. Бессмертный изложил программные цели и принципы оригинальной модели казуального подхода¹⁷. Думаю, что это развернутое теоретическое обоснование исследовательской программы заслуживает внимательного рассмотрения в свете современной историографической ситуации. Прежде всего, стоит привести перечисленные автором «оправдания» предлагаемого им подхода.

Во-первых, указав на многозначность самого слова *казус*, автор проекта счел необходимым отметить, что это общее понятие «подразумевает при разговоре о прошлом прежде всего нечто конкретное, поддающееся более или менее подробному описанию». Однако в рассказе о «различных “случаях”, наполняющих человеческую жизнь» и дающих читателю возможность почувствовать «аромат времени», он видел «ближайшую», но не главную задачу предпринимаемого издания¹⁸.

Во-вторых, был сделан акцент на анализ ситуации выбора, проблемы возможностей, существовавших у индивида в разных обществах, и роли неординарных действий отдельно взятого человека в изменении принятых в обществе стереотипов: «Соглашусь, что индивидуальное поведение может изучаться и через анализ случаев, в которых человек выбирает между различными вариантами принятых норм. Но наиболее показательны все-таки казусы, в которых персонаж избирает вовсе не апробировавшийся до сих пор вариант поведения. Это может быть поведение, пренебрегающее нормами или, наоборот, абсолютизирующее их (и потому шокирующее окружающих попыткой воплотить недостижимые для большинства идеалы). В таких случаях виднее, что может человек данной группы в данное время и в данной конкретной ситуации; этот тип казусов показательнее для решения нашей сверхзадачи – осмысления возможностей отдельного человека на разных этапах исторического прошлого»¹⁹. И в связи с этим ставилась задача изучить общественный резонанс исключительных и случайных событий, и соответственно – дать ответ на вопрос «какие условия в разные периоды прошлого способствовали такому резонансу уникальных казусов (включая в их число и нестандартные поступки отдельных индиви-

¹⁶ Бессмертный. Рыцарское счастье – рыцарское несчастье... 2003. С. 75.

¹⁷ См.: Бессмертный. Что за «Казус»?.. 1997. С. 7-24.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Споры о «Казусе»... 1997. С. 306.

дов)»²⁰. Наличие общественного резонанса, сохраняющего необычное событие в социальной памяти, рассматривалось как необходимое условие превращения просто странного эпизода в исторический казус. Вопрос о возможности для *отдельного человека* влиять на ход событий фактически переформулировался как вопрос о том, когда и где возможность выбора индивидом своего решения в имеющемся у него «пространстве свободы» «становится значимой и, соответственно, приобретает значимость для всего окружающего мира»²¹.

В-третьих, анализ казусов позволяет увидеть «то, что *особенно* как раз для данной эпохи», он «невиданно приближает к тому Другому, которого стремится рассмотреть в прошлом всякий историк»²². Ю.Л. Бессмертный видел в микроистории незаменимый ракурс анализа, способный «выявить зреющие подспудно интенции индивидуального поведения, чреватые изменением сложившихся стереотипов», причем не только анализа девиантных (или уникальных) ситуаций, но «всякого конкретного казуса, всегда окрашенного индивидуальностью его участников, так же как и всякого индивидуального выбора, обусловленного духовной или – что не менее важно – телесной реакцией индивида»²³.

Согласимся с тем, что «многие фундаментальные вопросы лучше всего исследовать с помощью “микроскопа”»²⁴. Вписывая казуальный подход в общую тенденцию микроистории с ее «пристрастием к выбору очень небольших исторических объектов», Ю.Л. Бессмертный подчеркивал: «Исследование не привлекавших раньше внимания подробностей позволяло увидеть этот объект в принципиально новом свете, рассмотреть *за ним* (курсив мой – Л. Р.) иной, чем виделся предшествующим поколениям исследователей, круг явлений». Именно этот «круг явлений», который исследователь стремится рассмотреть *за* объектом своего микроанализа, *за* казусом, оказывается главной проблемой. Полнота анализа в итальянской микроистории 1970-х –1980-х гг., избравшей межличностные отношения в качестве основного предмета исследования, давала возможность выяснить причины и мотивы действующих лиц, но при этом способ включения изученного микрообъекта в более широкий социальный контекст оставался под вопросом²⁵. Тем не менее, заметим, что еще в конце 1980-х гг. преимущества антропологического подхода виделись Ю.Л. Бес-

²⁰ Бессмертный. Что за «Казус?... С. 9.

²¹ Человек в мире чувств... 2000. С. 572.

²² Бессмертный. Что за «Казус?... С. 10.

²³ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 21.

²⁴ Шлюмбом, Кром, Зоколл. 2003. С. 26.

²⁵ Бессмертный. Что за «Казус»?... С. 11.

смертному в комбинации двух моментов: «во-первых, в признании системно-структурной целостности мира, в котором действует индивид, – целостности, воздействующей на всю совокупность поведенческих импульсов и находящейся при этом в состоянии почти постоянного изменения; во-вторых, в признании активной роли индивида, всегда сохраняющего ту или иную свободу реакций на сложившуюся обстановку и потому активно участвующего в изменении этой социальной целостности»²⁶.

Как все же можно в микроаналитической перспективе увидеть то, что выходит за пределы чувствительности ее «оптики»? По признанию Ю.Л. Бессмертного, параллельное применение микро- и макроанализа «выступает как трудно достижимый идеал. Ведь взгляд на какой бы то ни было феномен прошлого “с близкого расстояния” не способен воспроизвести одновременно и “общий план”: для этого нужен совсем иной “объектив”, который, увы, будет скрадывать детали»²⁷.

Положительно оценивая антифункционалистский пафос «другой социальной истории», Ю.Л. Бессмертный, однако, считал, что ее сторонники в вопросе о связи между поведением индивида и социальным контекстом «существенно сужают его пространственные рамки»²⁸. Эффективность анализа казусов, проявляющих нетипичные поступки и действия конкретных людей, виделась ему именно в раскрытии взаимодействия индивидуального выбора и общепринятых моделей поведения и, соответственно, в ориентации на реализацию принципа «дополнительности» микро- и макроанализа, на поиск путей их сопряжения. С этим связана и идеальная, с его точки зрения, форма повествования: сначала – в виде *зачина* – рассказ о конкретном казусе, затем попытка «осмыслить контекст» рассмотренного случая. Здесь анализ действий индивида как бы пересекается с анализом социальной ситуации и более протяженных общественных процессов. Изучение конкретного фрагмента сменяется исследованием его социального резонанса и последствий. В этой части... рассказ уступает место обзору накопленных по данному вопросу научных сведений, с тем чтобы на этой базе можно было бы осмыслить суть и последствия изученного казуса. Именно здесь эксплицитно или имплицитно освещается роль индивида в общественном развитии»²⁹.

Между тем, практически единодушное признание аналитиками искусственного характера разделения микроистории на социальную и

²⁶ *Бессмертный*. К изучению матримонимального поведения... 1989. С. 11.

²⁷ *Бессмертный*. Что за «Казус»?... С. 14.

²⁸ Там же. С. 18.

²⁹ Там же. С. 20.

культурную³⁰, не отменяет проблемы различий между двумя конкурентными стратегиями контекстуализации исторических казусов, или «между теми, кто ищет “объяснения”, и теми, кто стремится к “интерпретации”»³¹. Взяв на себя труд разобраться во взаимоотношениях между двумя направлениями, Симона Черутти указала, в частности на то, что тенденция со стороны социально ориентированных «микроисториков» к выстраиванию культурного контекста проявилась в возникшем у них интересе к интеллектуальной истории, а «разрыв между микроисториками обозначился по вопросу о весьма тесной связи между *поведением* и разными *культурами*, между социальным выбором, моделью поведения и культурными “ресурсами” людей прошлого»³². При этом какая-либо предзаданность в определении того, что должно являться «релевантным» контекстом анализа, решительно отвергается.

Главный вопрос – как *включить* необычные, нестандартные казусы в *общий контекст*. Рассматривать ли их «как “частные модуляции” *общих процессов*» или «как исключение, лишь подтверждающее обратное правило»? Иной подход, предложенный Ю.Л., состоит в том, что, сталкиваясь с индивидуальным, необычным, нестандартным, следует «осмыслить в нем то, что составляет его собственную специфику и что не вмещается в массовое и повторяющееся»³³. Именно этот подход придает нестандартному казусу самостоятельное познавательное значение.

Итак, отправной пункт для «проникновения в мотивацию и последствия человеческих действий» – нарушение правил поведения и отношение к ним, в казусах, где «отклонение от принятых норм оказывалось наиболее явным или даже вызывающим»³⁴. Здесь осуществлен переворот перспективы: ведь для Ю.Л. Бессмертного интересна сама возможность таких исключений из правил, их «демонстрирующая сила», воздействие на окружающих, способность вызывать подражание. Этот момент был также осмыслен им в более ранних работах. Отмечая, что в брачно-семейных отношениях, охватывающих «наиболее эмоционально насыщенные стороны жизни» велика роль индивидуальных отклонений от стереотипа, историк делал вывод: «Если эти отклонения имеют под собой более или менее прочную базу (т.е. не являются случайными), они сохраняются и воспроизводятся, обретая вес и влияние»³⁵. Позднее про-

³⁰ Гренди. 1996; Гинзбург. 2006; Черутти. 2006; и др.

³¹ Черутти. 2006. С. 354.

³² Черутти. 2006. С. 358.

³³ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 18.

³⁴ Человек в мире чувств... 2000. С. 573.

³⁵ Бессмертный. К изучению матримониального поведения... 1989. С. 110.

блема контекстуализации предстает для него в ином свете, отражая сомнения, порожденные накопившимся в историографии материалом и опытом собственных исследований: «Я тоже – за поиски контекста истории в целом и я против замыкания в узких сюжетах. Я – за поиски контекста, в котором случилось то или иное событие или казус. Я только против того, чтобы такой контекст формулировался любой ценой, даже там, где его на данный момент невозможно уяснить. Мне кажется правильнее признавать, что *в ряде случаев такой контекст может оставаться большее или меньшее время неясным* (курсив мой – Л.Р.), а пресловутый синтез невозможным. И пока это так, вполне оправдан анализ отдельных или даже уникальных казусов. Более того. Именно сквозь такие уникальные казусы может иногда особенно ясно проступить стержень, суть, своеобразие социального целого»³⁶.

Значимый момент исследовательской программы Ю.Л. Бессмертного оказался созвучен идеям, высказываемым всеми сторонниками «другой истории» – интерес к культурному измерению прошлого и изучению мнений и намерений действующих лиц, их собственных мотивировок, представлений и всей культурной оснастки, тех индивидуализирующих различий, которые превращали жизненный опыт каждого человека в уникальный. По убеждению ученого, «в рамках казуального подхода каждый исторический персонаж видится заведомо отличным от действующих параллельно с ним персонажей (даже если речь идет о равноправных членах одной и той же общественной группы); эти отличия складываются за счет бесконечного многообразия конкретных жизненных ситуаций, особенностей их восприятия и реакций на них со стороны их участников, многоликости социальных ролей, достающихся отдельным людям, не говоря уже об их психофизических и когнитивных различиях»³⁷.

Кстати, определяя специфику предлагаемой им версии микроисторического анализа, Ю.Л. Бессмертный обратил внимание именно на «интерес к возможностям и функциям отдельного человека *в разные эпохи* и к соответствующим казусам, в которых выявляется *противостояние* конкретного астеур и окружающей его социальной среды». Понимание этого *противостояния* он связывал с реализацией поставленной для казуальных исследований сверхзадачи – ответом на вопрос о том, в каких пределах индивид обладал свободой воли, «насколько мог противостоять групповым стереотипам и общему “ходу вещей”»³⁸.

³⁶ Бессмертный. Другое Средневековье... 2003. С. 82.

³⁷ Споры о «Казусе»... 1996. С. 307.

³⁸ Там же. С. 307-308.

Здесь мне представляется важным обратить внимание на то, что один из отмеченных Ю.Л. Бессмертным позитивных моментов микроистории состоял «не в узколокальных рамках анализа, но в резком увеличении числа анализируемых “параметров” человеческого поведения»; объект микроистории для него специфичен «не только своей неповторимостью, но и особенно богатым содержательным наполнением», в результате чего «историческое повествование не заполняется целиком (как при постмодернистской парадигме) рефлексией познающего субъекта: в поле зрения оказывается и сам познаваемый субъект»³⁹.

В целом дилемма микро- и макроанализа в истории, создаваемая противоречием структур и действий, повторяет (со значительным временным лагом) ситуацию двух аналогично маркируемых перспектив в познании физического мира, требующих двух разных типов объяснения и способов исследования, с тем значимым различием, что «микрочастицы» социального мира имеют собственные интересы и способны переживать, мыслить, интерпретировать, выстраивать жизненные стратегии.

Важный момент состоит в том, что индивиды «хотя и ориентируются на писанные и неписанные нормы поведения, всегда привносят в их реализацию нечто свойственное им и только им», и «“нормой” человеческой деятельности выступает скорее *нарушение* нормы, а не ее точное воспроизведение»⁴⁰. И здесь возникает еще ярче выделяющаяся категория «странных людей», тех, кто «поражал современников своей непохожестью на других. Такие *незаурядные* люди существовали... во все времена. Принятые правила поведения – в том числе и в частной жизни – были им не указ. Они действовали “по-своему”, вызывая то недоумение, то возмущение, то восхищение окружающих. В любом случае с них могло начаться нечто новое, невиданное и в межличностных отношениях, и в самой человеческой индивидуальности»⁴¹. В силу этого такие «странные люди» привлекают особое внимание исследователей, стремящихся осмыслить роль человеческой индивидуальности в истории.

Версия казуального подхода, предложенная Ю.Л. Бессмертным, будучи ориентирована на понимание сложного взаимодействия структур и акторов, на максимальный учет обратной связи с контекстами разного уровня, предполагает как одну из ключевых задач определение степени соответствия между реальным поведением конкретных индивидов и общественными нормами, акцентируя при этом преобразую-

³⁹ Бессмертный. Некоторые соображения... 1995. С. 19.

⁴⁰ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 17-18.

⁴¹ Человек в мире чувств... 2000. Глава 1: Проблема. С. 13.

щую и интерпретирующую функцию конкретного индивида, «посвоему выбирающего линию поведения»⁴². В свое время именно тезис о «двудеином» видении прошлого, при котором требуется «с одной стороны, исследование общественных и групповых стереотипов и структур, а с другой – своеобразия каждого доступного... анализу изолированного казуса и фигурирующего в нем индивида», вызвал критику в отечественной историографии с позиции так называемого «экзистенциального» варианта персональной истории, в центре внимания которого оказывается «динамика внутреннего мира индивида, а не его “внешние” деяния, его сознание, а не его общественная практика», а поиск «интегрирующей технологии микроанализа и макроанализа» представляется ведущим к «утрате ценных качеств одной из исследовательских методик» и описывается метафорой «методического “сэндвича”»⁴³. Между тем такая технология успешно применялась.

В осознании комплементарности процедур микро- и макроанализа Ю.Л. Бессмертный видел близость казуального подхода к «другой социальной истории». Впрочем, автор не ограничился программными заявлениями, но также «предъявил» модель их реализации в своих собственных исследованиях конкретно-исторических казусов, интерпретируя «неповторимо индивидуальное в рамках некоторого контекста» и пролагая таким образом трудный путь к постижению «взаимосвязей отдельных индивидов с более обширным социальным целым»⁴⁴.

В заключительном слове после обсуждения его программной статьи Ю.Л. Бессмертный значительно глубже раскрыл социокультурную направленность своего подхода, согласно которому исследователь, изучая действия людей прошлого в любой сфере, в первую очередь должен интересоваться тем, как они сами понимали свою деятельность, «как к ней относились, насколько стандартно вели себя в ней, в какой мере (и насколько успешно) пытались ее перестроить и т.д. <...> Там где удастся с достаточной полнотой осмыслить заботы, чаяния и приоритеты отдельных действовавших в прошлом лиц, историк получает, на мой взгляд, редкостную возможность максимально приблизиться к главному предмету своих изысканий – человеку других эпох. В подобных случаях откры-

⁴² Споры о «Казусе»... 1996. С. 307. Базовые позиции вопросника: «как человек прошлого делает свой *выбор*, какими мотивами руководствуется, как претворяет в жизнь свои интенции и – что особенно интересно – насколько он способен при этом проявить свою индивидуальность и в какой мере оставить на происходящем свой индивидуальный “отпечаток”». См.: Бессмертный. Продолжаем наш поиск. 1999. С. 11.

⁴³ См.: Володихин. 2001. С. 386-387.

⁴⁴ Бессмертный. Это странное ограбление... 1997. С. 37.

ваются самое заветное в прошлом, а *средостение, извечно отделяющее историка от изучаемых героев, становится наименее непрозрачным* (курсив мой – Л.Р.). И даже если исследователю открываются при этом всего лишь один-два субъекта из отдаленного прошлого, осмысление их образов дает колоссально много для понимания всего их мира. Это – как телескоп, позволивший рассмотреть пусть лишь одно живое существо на далекой планете. Конечно же, на той планете могут быть и совсем другие “гуманоиды”. Но даже рассмотрев лишь одного из них, мы уже совершили бы гигантский прорыв в познании другой жизни... Объясняется это тем, что стержнем любого сообщества одухотворенных существ выступает его культурная уникальность. *Именно ее важно постичь как в мирах иных, так и в каждой из эпох прошлого.* Поэтому одна из важнейших задач исторического познания – в том, чтобы осмыслить конституирующие элементы культурного универсума прошлого, включая естественно в первую очередь своеобразие восприятия и поведения людей и их психофизические, ментальные, когнитивные и иные особенности. Если казуальный анализ позволяет сделать это по отношению хотя бы к отдельным людям той или иной эпохи, он уже оправдывает себя и может считаться одним из перспективных инструментов историка»⁴⁵.

Этот яркий фрагмент заключительного слова заслуживает самого внимательного прочтения. Обращение к своеобразной «телескопической» оптике, призванной выявить культурную уникальность «сообщества одухотворенных существ», фиксирует точку нового поворота в теоретико-методологической рефлексии Ю.Л. Бессмертного, которая, хотя и опиралась на казуальный проект, но по существу выходила за его рамки, и это возвращает нас к размышлениям историка (к несчастью, не завершённым) о «странном прошлом», вызывающем удивление исследователя как немыслимое в собственной логике, о принципиально иных логических основаниях миропонимания и поведения людей отдаленных эпох, о необходимости отказа от интеллектуального насилия над прошлым, проистекающего из «достаточно самонадеянной позиции, в основе которой уверенность, что люди прошлого были подобны нам по своему внутреннему миру и восприятию»⁴⁶.

Ю.Л. Бессмертный последовательно искал «методологию перехода от наблюдений над единичным к суждениям, значимым для той или иной исторической целостности»⁴⁷, справедливо считая вопрос «о воз-

⁴⁵ Споры о «Казусе»... 1996. С. 316-317.

⁴⁶ Бессмертный. Странное счастье рыцаря... 2002. С. 54.

⁴⁷ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 19. См. подробнее: Бессмертный. Проблема интеграции микро- и макроподходов... 1999.

возможности и способах сочленения анализа надындивидуального и единичного «одним из самых “проклятых” для историка»⁴⁸. В пространстве истории частной жизни сам ее предмет, понимаемый им как *двудеинный*, оправдывал «двойственность познавательных приемов при ее изучении», что означало, с одной стороны, исследование социальных стереотипов и структур, а с другой – своеобразия каждого доступного анализу изолированного казуса и фигурирующего в нем индивида. «Осмысливая поведение такого индивида, важно принять во внимание и то, что на него воздействуют большие структуры, охватывающие многих участников данного социума, и то, что ни одна из таких структур не “поглощает” действующих в них индивидов полностью, оставляя место для проявления ими субъективного, частного, личного. Это воздействие на индивидуума со стороны социальной группы и – отдельно – со стороны его собственной субъективности, по определению, имеет разную природу и реализуется как бы в разных “регистрах”. Для анализа каждого из этих регистров необходима своя методика»⁴⁹.

Предложенная Ю.Л. Бессмертным гипотеза о «возможных путях интеграции, с одной стороны, нестандартных, с другой – типичных казусов в частной сфере» исходит из «представлений о человеческом обществе как о *не вполне интегрированной системе*», поскольку «все составляющие общество индивиды обладают возможностью действий, которые самой системой не предписываются», и «даже в идентичных социальных условиях не найти соответствующей идентичности в поведении индивидов; и, наоборот, идентичное поведение индивидов не обязательно предполагает тождественности его общих социальных предпосылок». Разъемы внутри такой системы оказываются способны «вмещать “чужеродные”, *выламывающиеся* из нее феномены, а самая система выступает при этом как, в известной мере, дискретное образование, содержащее в себе прерывности. Такое видение органично согласуется с представлением о возможности возникновения внутри общества “незапрограммированных” ситуаций и казусов, о возможности девиантного поведения отдельных индивидов, возможности появления нестандартных личностей, “странных людей” и т.д. и т.п.». Более того – «и нестандартные казусы, и девиантное поведение, и вообще определенная фрагментарность и несогласованность исторических феноменов выступают как неизбежность, как норма»⁵⁰. Такое видение подразуме-

⁴⁸ Бессмертный. Некоторые соображения... 1995. С. 6.

⁴⁹ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 20.

⁵⁰ Там же.

вает множественность подходов к прошлому, и в результате, вместо принципа «или – или» в изменившемся познавательном процессе начинает работать совсем другой принцип: «и – и»⁵¹. Речь, таким образом, идет о необходимости *дополнять* традиционный макроанализ микроанализом, с помощью которого «можно попытаться понять, как возможности общественного развития реализовывались в действиях конкретных персонажей, как и почему эти персонажи выбирали из всех возможных свою собственную “стратегию” поведения и почему отдавали предпочтение тем или иным решениям, в том числе и таким, которые порой выглядят безумными, на взгляд нашего современника»⁵².

Добиться «двуединства макро- и микроанализа» можно только в том случае, если ни один из этих исследовательских ракурсов не рассматривается «как подчиненный или второстепенный, “растворяясь” в другом. Оставаясь неслиянными, они дополняют друг друга, создавая как бы “двухслойное”, *двуединое видение прошлого*, выступающее в виде *существования* двух его взаимодополняющих форм». И сразу же – принципиально важное дополнение: «Неслиянность этих двух форм видения не противоречит их *мысленной интеграции* (курсив мой. –Л.Р.)»⁵³. Согласно предложенному Ю.Л. Бессмертным методу, историк частной жизни должен «“смотреть в оба”, чтобы осмыслить, с одной стороны, макрофеномены (в том числе стереотипы), с другой – микромир, включающий не только индивидуализированное воплощение тех же стереотипов, но и не подчиняющиеся стереотипам уникальные поведенческие феномены»⁵⁴.

Итак, от историка требуется сочетать две исследовательские процедуры. Логика первой из них – микроаналитической – направлена на то, чтобы выявить интенции автора изучаемого текста («что за человек этот автор и ради чего он *так* писал»), «уяснить, как он сам относится к нестандартному поведению своих героев, насколько он сам не традиционен в своих оценках и высказываниях, в какой мере кажутся ему допустимыми (и заслуживающими подражания) поступки его героев, когда они расходятся с принятым поведенческим каноном, и как далеко можно, на его взгляд, от этого канона отойти»⁵⁵. Все это помогает осмыслить данный конкретный казус, но явно недостаточно, поэтому необходима вторая процедура – изучение того самого «существующего

⁵¹ Бессмертный. Это странное, странное прошлое... 2000. С. 45-46.

⁵² Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 21.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 22.

⁵⁵ Там же.

канона», стереотипной модели поведения в данной социальной среде в соответствующих обстоятельствах. И ее логика требует выйти за рамки описанного в тексте казуса, чтобы на основе «серийных данных» «уяснить, насколько укоренен этот поведенческий стереотип в сознании членов данной группы (или общества в целом), как связан он с другими, современными ему, канонами поведения и насколько отступление от принятых правил угрожает в данном случае сохранению некоторого комплекса социальных установлений вообще»⁵⁶.

В результате соединения результатов обеих исследовательских процедур предполагается понять, насколько уникальным был рассматриваемый вариант поведения в данных обстоятельствах, «каков мог быть его резонанс, его пространственное распространение, его социальные последствия для данной социальной группы и т.п.»⁵⁷. Историк способен уяснить лишь то, как интерпретировали людские поступки того или иного времени авторы – их современники, которые, однако, «при всей своей субъективности, могли “выдумывать” лишь то, что как-то соотносилось с миром их возможных читателей. Следовательно, и прочтение этих авторов сегодняшним историком (речь идет, разумеется, о добросовестном ученом, а не о шарлатане) – не “гадание на кофейной гуще”, но релевантное обсуждение прошлого»⁵⁸.

И, наконец, несколько глубоких рассуждений по поводу двух важнейших эпистемологических и этических проблем исторического знания: единственной «исторической правды» и «ответственности историка». Ю.Л. Бессмертный решительно подчеркивал, что «казусный анализ отдельных феноменов рассчитан как раз на их углубленную проработку и на осмысление *реальной многозначности* каждого из них. “Единственность” истолкования априорно оказывается в таком случае под вопросом, несмотря на то, что множественность смыслов ничуть не угрожает здесь “исторической правде”. Ей угрожает, наоборот, утверждение безусловности одного единственного истолкования. Я склонен поэтому думать, что самая высокая гражданская ответственность историка совместима сегодня с иным, чем раньше, взглядом на познание прошлого. Такая ответственность не мешает констатировать фактическое *существование* разных вариантов исторического знания, того, которое исходит из функционального единства всех элементов общественного целого, и того, которое признает его “недостаточную системность”,

⁵⁶ Человек в мире чувств... 2000. Глава 2: Метод. С. 23.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Человек в мире чувств... 2000. С. 572-573.

дискретность, прерывность и возможность существования внутри этого целого “разъемов”, автономных фрагментов, “чужеродных элементов”, незапрограммированных казусов и пр. Рождение и утверждение этого варианта исторического знания – не случайность, не модное поветрие, но *следствие переосмысления как предмета исторического исследования, так и самого исследовательского процесса*⁵⁹.

Речь идет об ином взгляде на прошлое, которое рассматривается «не столько как последовательная смена преемственно связанных исторических этапов, сколько как *совокупность самодостаточных пластов*, более или менее обособленных друг от друга (С. 80/С.81), причем каждый такой пласт прошлого «*требует имманентного истолкования, исходя из его собственных идеалов, его собственных критериев и ценностей*»⁶⁰. Такой тип исторического знания соответствует современному общегуманитарному и общенаучному контексту.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бессмертный Ю.Л.* Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства (материалы к лекции) // Homo Historicus. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Кн. I. М.: Наука, 2003. С. 72-99.
- Бессмертный Ю.* Индивид и понятие частной жизни в средние века (в поисках нового подхода) // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. М., 2003. С. 484-491.
- Бессмертный Ю.Л.* К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв. // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. М.: Наука, 1989. С. 98-113.
- Бессмертный Ю.Л.* К изучению разрывов в интеллектуальной истории западноевропейского Средневековья // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. Москва 20-22 ноября 2000 г. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 34-36.
- Бессмертный Ю.Л.* Метод // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000.
- Бессмертный Ю.Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. М.: Наука, 1995. С. 5-19.
- Бессмертный Ю.Л.* Новая демографическая история // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. М.: Наука, 1994. С. 239-256.
- Бессмертный Ю.* О понятиях «Другой», «Чужой», «Иной» в современной социальной истории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2003. М., 2003. С. 492-497.
- Бессмертный Ю.Л.* Проблема интеграции микро- и макроподходов // Историк в поиске. М., 1999.

⁵⁹ *Бессмертный.* Это странное, странное прошлое... 2000. С. 46.

⁶⁰ *Бессмертный.* Другое Средневековье... 2003. С. 80-81.

- Бессмертный Ю.Л.* Продолжаем наш поиск // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М.: РГГУ, 1999. С. 9-12.
- Бессмертный Ю.* Рыцарское счастье – рыцарское несчастье (Западная Европа, XII–XIII вв.) // В своём кругу. Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. М.: ИВИ РАН, 2003.
- Бессмертный Ю.Л.* Странное счастье рыцаря // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2002. М., 2002. С. 53-72.
- Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»?.. // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: РГГУ, 1997. С. 7-24.
- Бессмертный.* Это странное ограбление... // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: РГГУ, 1997. С. 29-40.
- Бессмертный Ю.Л.* Это странное, странное прошлое... // Диалог со временем. 2000. Вып. 3. С. 34-46.
- Володихин Д.М.* Нарратив побеждает // Диалог со временем. 2001. Вып. 5. С. 385-389.
- Гинзбург К.* Моя микроистория // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М.: Наука, 2006. С. 343-353.
- Гренди Э.* Еще раз о микроистории // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996.
- Споры о «Казусе». [*Бессмертный Ю.Л.*] Ответы на вопросы // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М.: РГГУ, 1997. С. 303-320.
- Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. 582 с.
- Черутти, Симона.* Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М.: Наука, 2006. С. 354-375.
- Шлюмбом Ю., Кром М., Зоколл Т.* Микроистория: большие вопросы в малом масштабе // Прошлое – крупным планом: современные исследования пр микроистории. СПб.: Алетей, 2003. С. 7-26.
- Репина Лорина Петровна*** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, зав. Отделом историко-теоретических исследований, руководитель Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru.